

Пожаръ театра въ Петербургѣ.

Петербургъ испыталъ своего рода исторію „Рингъ-Театра“ въ Вѣнѣ. 6-го марта, сгорѣлъ театръ „Зимняя Ливадія“, деревянный, почти досчатый, груда щепокъ, тѣсный, пронизываемый холоднымъ вѣтромъ, еще осенью возбудившій толки въ публикѣ и газетныя статьи объ осмотрѣ этого театра городскимъ головою, г. Глазуновымъ, вслѣдъ за катастрофою въ Рингъ-Театрѣ. Г. Глазуновъ требовалъ прекращенія игры въ этомъ театрѣ, требовалъ его исправленій. Что-то постановила объ этомъ и комиссія городской думы, въ чомъ-то обязался г. Картавовъ, содержатель театра.

Въ театрѣ шла оперетка „Периколла“. Въ то время, когда актеры пѣли извѣстную арію „il grandira, il grandira!“ въ залѣ ощутился запахъ дыма и кто-то въ полголоса произнесъ: пожаръ.

Публика мигомъ заволновалась, вскочила. Раздались крики: пожаръ, горимъ!

Въ то же мгновеніе кто-то изъ театральныхъ вздумалъ со сцены успокоить публику, что пожара нѣтъ. Даже заигралъ смолкшій было оркестръ.

Тѣмъ не менѣе благоразумные изъ публики поспѣшили къ выходамъ. Кто еще колебался, хотѣлось дослушать оперу: авось, это такъ, авось гарью запахло случайно. Дымъ, однако, усиливался.

За благоразумными бросились къ выходу менѣе толковые, за ними, наконецъ, кинулись и совсѣмъ малосообразительные. Сбылась французская поговорка, будто прямо сказанная на счетъ насъ, на счетъ россійской, столько разъ насъ спасавшей, удачи: „Il y a Dieu pour les fous!“ — „есть Господь для малоумныхъ“.

И диво! Сгорѣло до 1,000 человѣкъ въ нѣмецкомъ, каменномъ театрѣ, устроенномъ со всѣми дивами новѣйшихъ предосторожностей, съ желѣзнымъ нестерраемымъ занавѣсомъ, бакомъ и кранами воды, которая могла залить весь театръ... а при пожарѣ дощатаго, щепочнаго балагана Картавова, балагана — безъ баковъ, крановъ и желѣзной занавѣси, а Господь дѣйствительно помиловалъ насъ... Публика, актеры и актрисы — всѣ уцѣлѣли до одного.

Во всякомъ случаѣ, если и всѣ спаслись, то это только благодаря случайностямъ; во первыхъ, потому что театръ былъ далеко не полонъ, а во вторыхъ, что пожаръ начался сверху, а не со стороны сцены, которая вспыхнула бы еще скорѣе. При другихъ условіяхъ изъ театра не вышелъ бы ни одинъ человѣкъ. Но теперь многіе изъ публики отдѣлались потерей верхняго платья. Военные должны были удовольствоваться наскоро захваченными пальто штатскихъ и наоборотъ. Большинство же выбѣжало изъ театра совсѣмъ безъ верхняго платья.

Одна нѣмка въ экстазѣ ужаса долго кричала: „Мои галошѣ!“, но кто-то ей указалъ, что ея калоши на ея ногахъ. Она съ ними сидѣла въ партерѣ.

Какую-то даму полиція вынесла въ обморокѣ, скоро, впрочемъ, ее покинувшемъ. Она, говорятъ, испугалась за дѣвочку-дочь, потерявъ ее въ корридорѣ въ суматохѣ, когда обозначилось, что театръ дѣйствительно горитъ. Дѣвочка тоже нашлась, жива и невредима.

— Ишь, въ субботу-то! толковали въ народѣ: люди у всенощной, а нѣмцы въ театрѣ поютъ....

— А ты, рыло, чего? вмѣшался кто-то на это замѣчаніе: — самъ, чай, въ церкви былъ? Изъ кабака отъ Миколки вылѣзъ, а на кіятеръ лается!

Толпа захохотала. Говорившій о всеобщей дѣйствительно едва стоялъ на ногахъ: сосѣдній кабатчикъ Миколка угостилъ его въ волю.

Театръ сгорѣлъ до тла. Изъ него не успѣли спасти ничего — декораціи, машины, мебель и прочія принадлежности — все сгорѣло. Театръ вспыхнулъ и буквально сгорѣлъ, какъ клокъ соломы. Мастерски работавшія пожарныя команды, нахлынувшія съ быстротой молніи, на моихъ глазахъ не могли ничего сдѣлать для спасенія этого зданія.

Загорался и сосѣдній домъ Серебрякова. Его успѣли отстоять. Причина пожара неизвѣстна, но онъ начался изъ уборной, выходившей, какъ и всѣ другія верхнія, корридормъ въ театральное зало. Говорятъ, пожаръ начался отъ газоваго рожка, неосторожно придвинутаго къ стѣнѣ. Замѣтили огонь только тогда, когда дымъ сталъ пробиваться черезъ перегородку. Нѣкоторые артисты бросились было къ дверямъ, ведущимъ со сцены въ корридоры, но капельдинеры не пустили ихъ, чтобъ не увеличивать тамъ суматоху. Небезынтересно отмѣтить толки, идущіе, вѣроятно, отъ администраціи театра. Говорятъ, будто бы касса со всѣми документами и сборомъ погибла въ пламени, но содержатель театра г. Картавовъ, повидимому, сохранилъ полное присутствіе духа, онъ старался, насколько возможно, успокаивать публику. („Н. В.“).